

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (37)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (37)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2018

- ¹ История СССР: В 2 сер.; в 12 т. Т. 2. М., 1966. С. 605.
- ² *Ткаченко В.А.* Московские великие и удельные князья и цари. М., 1992. С. 95, 99–100.
- ³ *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: История династии. М., 2001. С. 398–400.
- ⁴ Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1955. С. 65.
- ⁵ *Маясова Н.А.* Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960. С. 62.
- ⁶ *Ушаков Н.Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 216.
- ⁷ *Маясова Н.А.* Указ. соч. С. 61.
- ⁸ Там же. С. 61.
- ⁹ Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале ключаря тамошнего собора Анании Федорова // Временник ОИДР. Кн. 22. М., 1855. С. 127.
- ¹⁰ *Маясова Н.А.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале, 1597 г. // Георгиевский В. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927. С. 56.
- ¹² *Курганова Н.М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. С. 59.
- ¹³ Пискаревский летописец. С. 189.
- ¹⁴ Соловецкий летописец // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 224.
- ¹⁵ Пискаревский летописец. С. 76–78.
- ¹⁶ *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 351.
- ¹⁷ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 351; *Титов А.А.* Синодики XVII в. Переяславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 15.
- ¹⁸ *Шеляпина Н.С.* Отчет об археологических наблюдениях на территории Московского Кремля в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 6491. С. 6
- ¹⁹ *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. М., 2015. С. 146.
- ²⁰ Путешествие в Россию датского посланника Иякова Ульфельда в 1575 г. // ЧОИДР. 1883. Кн. I. Отд. III. М., 1883. С. 13.
- ²¹ *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002. № 94. С. 31.
- ²² Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М. 2000. С. 325–326.
- ²³ *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд. М., 2003. № 97. С. 32, 33.
- ²⁴ Там же. № 86. С. 31.
- ²⁵ Там же. № 89. С. 31.
- ²⁶ Москвитянин на 1843 год. 1843. № 9. С. 141.
- ²⁷ Там же. С. 140.
- ²⁸ Там же. С. 141.

УДК 929.6

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-109-116

Е.В. Пчелов

Городская геральдика дореволюционной России: основные тенденции исторического развития

В статье проанализирована история городской геральдики Московского царства и Российской империи на всем протяжении ее существования. Выделено семь периодов в ее истории, выявлены характерные особенности городской геральдики на каждом этапе, проведен подсчет утвержденных городских гербов по четырем основным категориям. В результате прослежены тенденции развития городской геральдики, изменения как в ее семантике, так и в иконографии гербов. На особенности городской геральдики в каждом из периодов оказывали влияние история геральдической практики в России в целом и история русской культуры, искусства и их символического языка.

Ключевые слова: герб, город, геральдика, эмблематика, семантика.

История русской городской геральдики дореволюционного периода исследовалась неравномерно. Наиболее изученным следует считать XVIII век – время формирования и бурного развития русской геральдической системы, прежде всего применительно к территориальным и городским гербам. Другие периоды изучены слабее, а общей панорамы истории городской геральдики в дореволюционной России пока не создано. Во многом причиной этого является не только недостаточная изученность архивной источниковой базы, но и отсутствие до сих пор полного свода всех утвержденных территориальных и городских гербов старой России. Фундаментальным до сих пор остается классический справочник П.П. фон Винклера, изданный в 1900 г.¹ В свое время он был переиздан с дополнениями А.В. Кудиным и А.Л. Цехановичем², которые довели труд Винклера до 1917 г. Однако выполнено это

издание весьма небрежно и с очевидными неточностями. Чего только стоят слова составителей из первого издания своих дополнений, что «в издание не вошли: некоторые малохудожественные гербы; гербы городов некоторых губерний, где в верхней части повторяется герб губернии, а также гербы городов и посадов, прекративших свое существование», и далее: «в описании гербов удалены отдельные архаизмы и особенности старой орфографии, не меняющие смысл самого описания»³. Составители включили в свои дополнения не только официально утвержденные гербы, но и проекты гербов, чем окончательно нарушили целостность свода. Тем не менее несомненная польза от этого справочника есть – были собраны и опубликованы утвержденные территориальные и городские гербы последних 17 лет императорской России. В книге И.В. Борисова и Е.Н. Козиной «Геральдика России» (М., 2006) представлены гербы городов современной Российской Федерации в их историческом развитии, включая гербы и дореволюционные (в некоторых случаях даже с проектами), и советского времени, и современные. Вычленил гербы дореволюционные не просто, а вследствие территориальной неравнозначности Российской Империи и Российской Федерации и здесь полного свода городских гербов старой России нет. Тем не менее очевидное достоинство книги – возможность получить полное представление о разных гербах того или иного города и наличие цветных изображений. В основу настоящего обзора положены издания Винклера с дополнениями по утвержденным гербам начала XX в. и некоторые интернет-сайты, прежде всего – www.heraldicum.ru.

Мне представляется важным проанализировать русские городские гербы в зависимости от времени их создания в целях выявления особенностей формирования городской геральдики в России в каждый из рассматриваемых периодов. При этом за скобками работы остались, во-первых, губернские и областные гербы (как правило, соответствующие гербам губернских городов), а во-вторых, гербы очевидного иностранного происхождения. К последним относятся гербы городов Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Остзейских губерний, частично Бессарабии, гербы Литвы, Белоруссии и Украины, которые восходят к польско-литовской геральдической традиции. Так, например, при Екатерине II в 1782 г. были утверждены более двадцати украинских городских гербов, в основу которых были положены гербы того времени, когда эти города находились на землях Речи Посполитой. А гербы некоторых городов северо-востока Империи, таких как Нарва, Нейшлот и Сердоболь (утверждены также в 1780-х годах), имели шведское происхождение. Иными словами, мое внимание

было сосредоточено именно на городских (а не в целом территориальных) гербах и именно созданных в рамках собственно русской геральдики.

При анализе гербов я выделил четыре основных их типа в зависимости от семантики: 1) гербы гласные, т. е. отражающие название города (при этом вопрос реальной или фиктивной этимологии в данном случае несущественен); 2) гербы, отражающие природные особенности городской округи; 3) гербы, отражающие занятия жителей, в том числе хозяйственную жизнь; 4) гербы, отражающие историю города и его достопримечательности. Разумеется, только этими категориями все многообразие русской городской геральдики не ограничивается, но большинство гербов в них вписываются. При отнесении герба к определенной категории в некоторых случаях имеются сложности. Так, зыбка грань между природными особенностями и занятиями жителей – в описаниях герба нередко указывается, что на обитающих в окрестностях города зверей ведется охота. К примеру, кит в гербе Колы показывает не только обитание этих животных в водах океана, но и то, «что жители того города в ловле сих рыб упражняются», в то же время кит в гербе Нижнекамчатска помещен «в знак того, что у сего города в Океане много их находится», а о ловле китов в описании герба не упоминается. Или же кажущиеся гласными гербы Сольвычегодска и Солигалича могут одновременно отражать и занятия жителей – производство соли. Наличие в гербах изображений яблок, груш, вишен, слив, арбузов, дынь и т. п. отражает скорее не природу края, а садоводство и бахчеводство. Во всех подобных случаях предпочтение отдавалось «итоговому» указанию блазона. Тем не менее в связи с этим важно иметь в виду некоторую условность общих подсчетов. Несмотря на все оговорки, приведенные количественные характеристики, как кажется, в целом (в том числе в процентном соотношении друг с другом) вполне достоверны.

В истории русской городской геральдики выделяются несколько периодов.

Первый период – это допетровская геральдика начиная с Большой печати Ивана Грозного 1570-х годов⁴ до конца XVII в. За этот период сохранилось несколько памятников, зафиксировавших территориальные, так называемые титульные (т. е. отражающие элементы объектного титула государя) гербы (эмблемы) России – изобразительных, вещественных и письменных, включая их описание⁵ и даже неофициальную интерпретацию. Из этих памятников наиболее полными являются сама Большая печать Ивана Грозного, где изображено 24 титульных эмблемы, и Титулярник 1672 г., где таковых эмблем 33. Из этих эмблем целый ряд (как на печати, так

и в Титулярнике и в других источниках) относится к иностранным геральдическим традициям (как, например, литовская Погоня или колюмны Гедимины). Большинство же гербов, очевидно, создано в России (хотя в ряде случаев возможно влияние и европейской геральдики⁶). На Большой печати Ивана Грозного из 19 собственно русских гербов 10 представляют собой изображения животных (причем одно из них, конь, возможно, домашнее), три – предметы вооружения, шесть носят очевидный символический характер. Таким образом, большинство эмблем, вероятно, отражает какие-то природные или хозяйственные (охота) особенности земель. Из 19 эмблем к концу XVII в. сохранились в целом или в отдельных элементах десять (часть претерпела изменения, иногда весьма существенные). Остальные были созданы заново уже в XVII в. К концу XVII в. большинство титульных гербов имело ярко выраженный эмблематический или геральдический характер.

Из титульных гербов допетровского времени в Российской империи в качестве городских было утверждено 18 (включая герб Москвы).

Кроме того, за допетровский период известны 20 эмблем на печатах сибирских городов и острогов (в основном отражавших занятия местных жителей – охоту)⁷, из них в качестве городских в Российской Империи было утверждено пять. И еще два городских герба появились на печатах в XVII в. и «перешли» в XVIII – это гербы Стародуба (гласный) и Уфы (в конце XVIII в. трактовался как отражающий природу).

Первая половина XVIII в. ознаменовалась началом собственно российской геральдики в институциональном плане и созданием городских гербов для полковых знамен в 1712 г., герботворческой деятельностью Ф. Санти в 1720-х годах и утверждением гербов из так называемого Знаменного гербовника Миниха конца 1720-х годов. К этому периоду, так или иначе, восходят по меньшей мере 56 также позднее официально утвержденных городских гербов. Из них гласных гербов – 13 (еще один, герб Ставрополя, был утвержден в середине XVIII в.), причем герб Ельца скорее всего можно считать «дважды гласным», поскольку обе его фигуры (ель и олень (елень)) могли отражать название города. Занятия жителей отражали в той или иной мере восемь гербов (Санкт-Петербург, Тула, Новая Ладога, Путивль, Дорогобуж, Коротояк, Пенза, Серпухов, возможно, также и герб Саранска; к ним следует добавить и герб Чугуева, утвержденный в середине XVIII в.), историю города – семь (Углич, Свяжск, Брянск, Полтава, Глухов, Белев, Торонец), природу – шесть гербов (Саратов, Царицын, Самара, Воронеж, Великий Устюг, Чернь). Герб Выборга имел шведское

происхождение. Как минимум, 20 гербов носят чисто эмблематический характер, требующий определенной интерпретации (геркулесовы палицы Алексина, вологодская рука с державой и мечом, выходящая из облаков, тамбовский улей с пчелами и др.). При этом символизм присутствовал и в других гербах, даже при обозначении обычных явлений (река Воронеж в гербе соименного города изображалась в виде вытекающего из кувшина потока воды, а слияние двух рек у Великого Устюга в гербе этого города было представлено Нептуном с двумя кувшинами). Как показали исследования⁸, в основе этой эмблематичности лежали изображения из книги «Символы и эмблемата», впервые изданной в 1705 г. (и это был, по сути, единственный период в истории русской городской геральдики, когда составители гербов пользовались данной книгой). Таковых гербов, как видим, больше всего. При этом довольно заметную долю занимают гербы гласные, и меньшее число принадлежит гербам очевидно «историческим», «хозяйственным» и «природным».

Следующий этап – Екатерининская эпоха, когда было создано и утверждено самое большое число (около 400) российских городских гербов (пик этой деятельности пришелся на рубеж 1770–1780-х годов, когда во главе Герольдии стоял А.А. Волков). В этих гербах можно выделить следующие общие особенности: почти все они состоят из одной фигуры (эмблемы) и из одного поля (имеется в виду поле с собственно городским гербом; благодаря И.И. фон Эндену возникла традиция двучастного деления герба уездного города, в котором первую часть занимал герб губернский); практически все они понятны и имеют очевидное объяснение в описании; почти все изображают, буквально показывают то, что описано, т. е. представляют собой картинку – чисто символические изображения в них единичны. Простота, доступность для понимания и абсолютная деидеологизированность⁹ – отличительные черты этих гербов. В редких случаях в гербах можно отметить губернские особенности, представленные чисто геральдическим способом. Так, в части гербов Курского наместничества (губернии), где в губернском гербе имеется перевязь с куропатками влево, собственно городская часть герба разделена скошением вправо (т. е. в противоположном направлении) на два поля и в каждом из них помещено по одной фигуре, причем такие гербы охватывают преимущественно северные и северо-восточные уезды губернии (Фатеж, Щигры, Тим, Старый Оскол и находящийся на юго-западе губернии г. Богатый; в гербах иных уездных городов той же губернии такой закономерности нет).

Статистику екатерининских гербов в свое время привела Н.А. Соболева¹⁰, однако мои подсчеты отличаются от ее (детальное

сравнение невозможно, поскольку Соболева не опубликовала списки гербов по выделенным ею категориям). Привожу свои подсчеты: занятия жителей – 156 гербов (у Соболевой – 114), природа – 82 герба (у Соболевой – 92), гласные гербы – 70 (у Соболевой – 56), история города и достопримечательности – 39 гербов. В шести гербах использованы гербы других городов (в двух – черниговский, по одному – ярославский, смоленский, владимирский и архангельский). Соболева насчитала таковых гербов 10, приплюсовав, по-видимому, к этим шести еще несколько гербов городов Ярославского наместничества, разработанных фон Энденом и утвержденных в 1778 г. (Данилов, Любим, Борисоглебск, Пошехонье, Петровск), в которых действительно присутствует ярославский медведь, но лишь в качестве соответствующего губернского герба (это был первый опыт такого рода, поэтому в этих гербах ярославский герб не всегда четко отделен самостоятельным полем от уездной «части»).

Очевидно, что гербов, отражающих природные условия, и гласных в два раза меньше, чем гербов, рассказывающих о занятиях жителей, а гербов, посвященных истории и достопримечательностям, в два раза меньше, чем гласных и «природных». Этот факт объясняется той установкой, которая была дана Герольдии при составлении гербов: обозначать в них «обстоятельства и промыслы» соответствующих городов¹¹. Промыслов получилось больше, чем природных «обстоятельств», а природных «обстоятельств» больше, чем исторических. Обращает на себя внимание и значительное число гласных гербов. Эта традиция, существовавшая и прежде, была развита и укреплена.

Есть также единичные гербы, не поддающиеся однозначной интерпретации исходя из описания (Рождествено) или носящие символический или эмблематический характер: Луга Костромского наместничества («в червленом поле золотая лестница, означающая, что сему городу учреждением Наместничества даны средства для восхождения наверх своего благосостояния»), Харьков (положенные крестообразно рог изобилия и кадуцей), Докшица (реки в виде вытекающих из кувшинов потоков воды). В некоторых случаях один и тот же элемент (фигура) герба может трактоваться двояко – это относится к пяти гербам, которые можно понимать и как гласные (Верхолениск, Кадников, Звенигород, Сольвычегодск и Солигалич). Единичны случаи, когда разную категориальную семантику имеют две (три герба – Перемышль, Оренбург, Калуга) или даже три (один герб – Ирбит) фигуры герба (причем преимущественно это гербы, утвержденные еще в «доволковский» период, в 1776–1777 гг.). В целом для городской геральдики екатерининского времени характерны предельная ясность и очевидность.

В период правления Александра I с 1803 по 1826 г. (гербы, утвержденные в 1826 г., создавались, разумеется, ранее) было утверждено 26 городских гербов. Условно их можно разделить по категориям так: история и достопримечательности – 11, занятия жителей – девять, гласные – четыре, природа – два. Важной особенностью этих гербов является нередкое сочетание нескольких фигур, которые могут обозначать разные категории – природу и занятия жителей, историю и занятия жителей и т. д., но в большинстве случаев такие фигуры соединены в одном поле щита. Для гербов этого периода характерна эмблематичность. Эмблематика сравнительно проста и соответствует эмблематике ампирического времени. Среди эмблем можно назвать кадуцей, якорь, сноп, трезубец, руль и др., и даже сравнительно простые предметы, как, например, соль, обозначаются не непосредственно, а с помощью символа (химический знак соли в гербе Бахмута). Ярким примером эмблематичности является золотой улей в гербе Нахичевани-на-Дону, отражающий «водворение в том краю нового армянского народа».

В период Николая I городские гербы утверждались в 1840-х – первой половине 1850-х годов. Из них 32 герба отражали занятия жителей, 25 – историю и достопримечательности, 13 – природу, гласных гербов было шесть, а девять гербов представляют собой символические изображения, не без труда поддающиеся «дешифровке». Эмблематичность герба в целом сохраняется, более того, во многих гербах разные фигуры обозначают разные категории понятий, но для этого времени характерно уже деление щита на части, в каждой из которых помещается та или иная фигура. Дробность щита становится отличительной особенностью гербов этого периода, а с точки зрения семантики большее место начинает занимать история и достопримечательности города, в то время как «гласность» уходит на дальний план.

Вторая половина XIX в. в истории русской геральдики ознаменовалась реформой Б.В. Кене. Между тем в общей сложности в этот период было утверждено всего 27 новых гербов. Большая их часть отражает историю и занятия жителей, природа показана всего в пяти гербах, а гласных нет вообще. Для многих гербов характерна ярко выраженная геральдизация – введение в герб чисто гербовых фигур, таких как пояс, столб, оконечность, гонты, ромбы и т. п. Очевидны, во-первых, попытка приведения геральдики в соответствие с классическими европейскими традициями и, во-вторых, сочетание разных фигур с разной семантикой. При этом о значении тех или иных фигур «непросвещенному зрителю» остается только догадываться.

В начале XX в. до 1914 г. было утверждено еще 37 городских гербов. Из них 26 отражали хозяйственную жизнь, обозначения

природных особенностей единичны, а гласных всего два. Для гербов этого времени также характерно сочетание фигур разных семантических категорий, но, как правило, в рамках единой композиции в одном поле щита. Заметен отход от чисто гербовых фигур. Иными словами, геральдика этого периода вобрала в себя некоторые черты нескольких предшествующих эпох. По-видимому, в это время была найдена некая «золотая середина» между визуальной геральдичностью и семантической ясностью герба.

Примечания

- ¹ Винклер П.П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. Я пользовался репринтным переизданием этого труда (М., 1990).
- ² Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи: 1649–1917 / Сост. А.В. Кудин, А.Л. Цеханович. Кн. 1–2. М., 2000.
- ³ Гербы городов и областей Российской империи: 1900–1917 / Сост. А.В. Кудин, А.Л. Цеханович. М., 2000. С. 35.
- ⁴ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 114–116.
- ⁵ Белоброва О.А. О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. М., 2005. № 85. С. 81–88.
- ⁶ Пчелов Е.В. Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 г. / РГГУ. М., 2009. С. 300–303.
- ⁷ Пчелов Е.В. Эмблематика печатей сибирских городов и острогов XVII в. // Сибирские чтения в РГГУ: Альманах. М., 2009. Вып. 4. С. 84–92.
- ⁸ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 179–182; Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 78–84; Емелин И.Б. Происхождение герба Олонца [Электронный ресурс] // Флаг. 2008. № 10, февраль. URL: <http://www.vexillogratphia.ru/lags/Flag13.tp.f> (дата обращения: 18.12.2017); другие статьи И.Б. Емелина с сайта Геральдического журнала «Sub Clupeo» – <http://subclupeo.narod.ru/>; и др.
- ⁹ Этот вывод противоречит утверждению Н.А. Соболевой о том, что «при создании городских эмблем был сделан сильный акцент на символику, отражающую официальную идеологию Российской империи» (Соболева Н.А. Указ. соч. С. 191). Идеологическая обусловленность самого этого утверждения исследовательницы очевидна, потому что, конечно, в изображениях лип, арбузов и куропаток никакой идеологии даже при самом сильном желании усмотреть невозможно.
- ¹⁰ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 189.
- ¹¹ Винклер П.П., фон. Указ. соч. С. XVII.

УДК 930.2:091

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-4-117-123

Д.Н. Рамазанова

Русские списки переводных сочинений Илии Миниатиса (Минятия) в XVIII в.

В статье рассматриваются исторические обстоятельства бытования в русской рукописной традиции XVIII в. переводов популярных богословских сочинений православного греческого епископа Илии Миниатиса (1667–1714), выполненных С.И. Писаревым (1708?–1775). Приведены сведения о кодексах из различных рукописных собраний России, содержащих как переводные проповеди Миниатиса, так и перевод его историко-догматического трактата, получившего в переложении название «Камень соблазна». В заключение рассматриваются черты сходства в значении переводов Миниатиса для духовных культур России и Сербии эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Илия Миниатис (Минятий), Стефан Иванович Писарев, греческий язык, проповеди, переводы, рукописная традиция, эпоха Просвещения.

Религиозные сочинения Илии Миниатиса (Ἰλίας Μηνιάτης, 1667–1714), греческого православного епископа Керникского и Калавритского на Пелопоннесе, принадлежавшего, по выражению М.И. Сухомлинова, «к избранному кругу писателей, которых называют предтечами умственного и политического возрождения греков»¹, были весьма популярны в Европе на протяжении XVIII в.² В том столетии на языке оригинала они выдержали не менее восьми изданий в Лейпциге (1718, 1743)³, Венеции (1720, 1727, 1738, 1755)⁴, Бреславле (1752)⁵ и Амстердаме (1760)⁶. С 1740-х годов переведенные с греческого языка проповеди и полемические произведения Миниатиса, или Минятия, как его называли в России, начинают распространяться и в русской книжности – как рукописной, так и печатной.